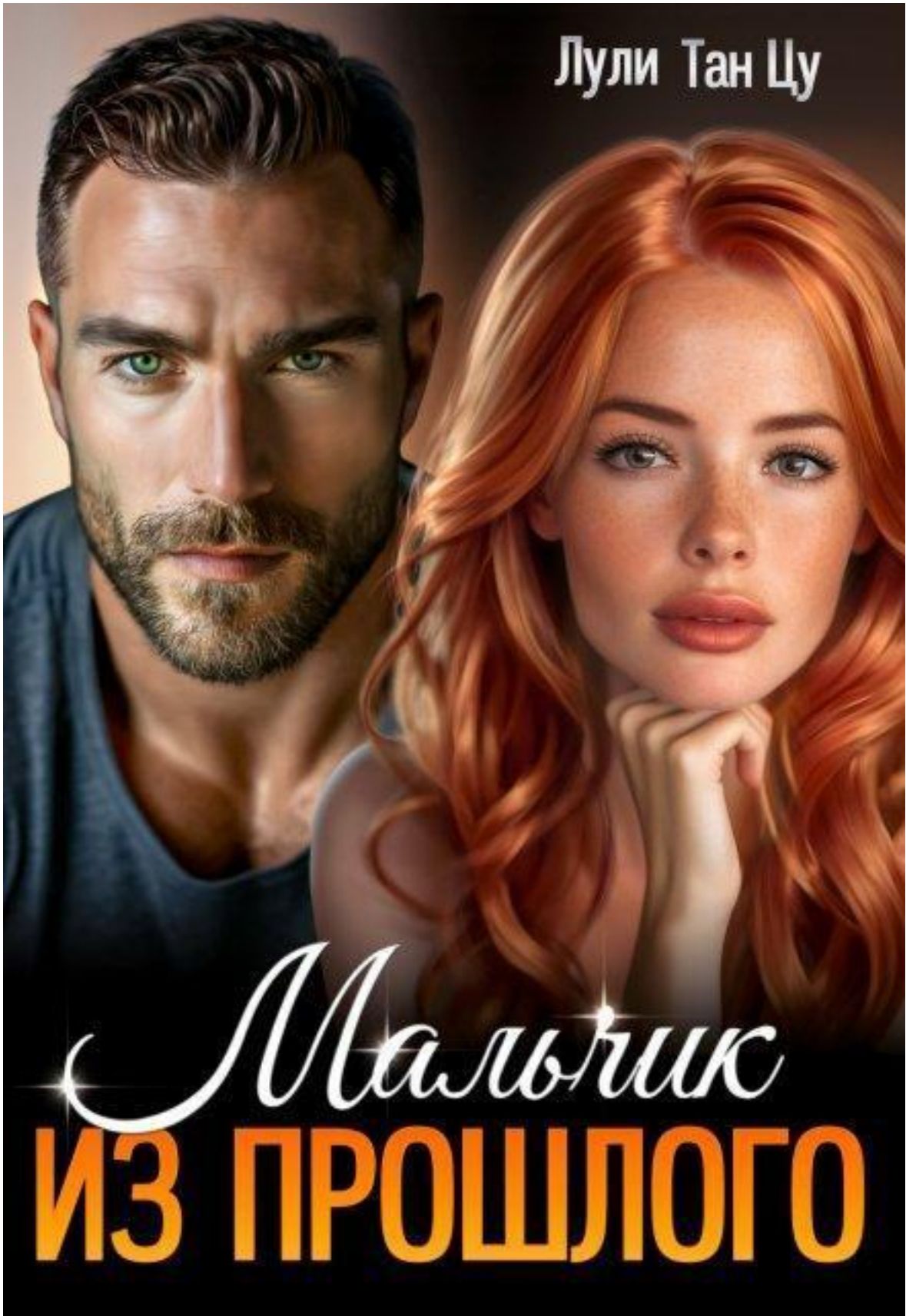

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the left, has dark hair, green eyes, and a beard, wearing a dark blue shirt. The woman, on the right, has long, wavy red hair and is resting her chin on her hands. The background is a soft, warm gradient.

Лули Тан Цу

Мальчик
ИЗ ПРОШЛОГО

Лули Тан

Мальчик из прошлого

«Литнет»

2024

Тан Л.

Мальчик из прошлого / Л. Тан — «Литнет», 2024

Мне 37 лет, и я чувствую себя старой потрепанной лошадей. Подруга подбивает меня пойти на встречу одноклассников, и там я встречаю его – парня, который был в меня влюблен. Только роли изменились. Тогда я была звездой школы и смотрела на него свысока, а теперь он – брутальный, мощный красавец мужчина, как мне кажется, смотрит на меня с ужасом и думает: «Что случилось с моей первой любовью?» Мне хочется ему сказать: «Просто случилась реальность, Федя, случилась жизнь, а первая любовь – это просто сказки». Мне хочется сбежать отсюда, и я уже готова, но слышу от него: – Зверева, где тебя носит? Только ради тебя и пришел. Так, времени у меня нет, поэтому коротенько. Я тебя, Алиса, люблю, любил и всегда любить буду. – Федь... – заикнулась я. – Помолчи. – Я за... замужем, – только и успела я выдать из себя. – Сегодня заеду и заберу тебя. Жди. ✓#ХЭ
✓#Эмоционально ✓#Развитие характеров Иллюстратор Лидия Апазиди.

© Тан Л., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1. Параллельная реальность	5
Глава 2. Эхо юности	9
Глава 3. Безразличие и пустота	12
Глава 4. Тактика и стратегия	15
Глава 5. Баобаб	19
Глава 6. Китайская мудрость	22
Глава 7. Поэзия	27
Глава 8. Кофе и броневик	31
Глава 9. Последствия	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Параллельная реальность

– Да, Зверева, встреча выпускников – это, конечно, не королевский прием. Но и не в магазин за хлебом сгонять, – сказала Катя, моя подруга еще со школьных времен.

Я сидела в ее салоне перед зеркалом, она стояла сзади и придумывала, как вернуть былую красоту и молодость мне, тридцатисемилетней усталой учительнице. Задача не из легких. Катя хмыкнула, распустила гульку на моей голове, и рыжие волосы тяжелой волной скользнули по плечам.

– Ух ты, ну вот зачем ты их прячешь?

– Так удобнее, Кать, – вздохнула я.

Катя сохранилась куда лучше, чем я. Её лицо мерцало от каких-то флюидов, волосы блестели от каких-то филлеров, глаза таинственно блестели то ли от удачного брака, то ли от дорогих теней и хайлайтера – я в этих штуках не спец, просто нахваталась от Кати названий.

Катя пшикнула мне чем-то ароматным в лицо, сверху положила тканевую маску, затем намочила мне волосы, помассировала, смыла и вернула к зеркалу. И с прищуром глядя на меня, сказала жуткую вещь:

– Давай я тебе кое-что напомним. Всем нашим девочками из прошлого, да и мальчикам, очень интересно будет посмотреть, какой стала Алиса Зверева – школьная королева, самая красивая девочка в классе, настоящая звезда. И что они увидят?

– Старую больную женщину на последнем издыхании они увидят, – я поскребла маску на лице, чесалось с непривычки, Катя стукнула меня по рукам. Я жалобно спросила: – наверное, лучше вообще никуда не идти. Не могу я, Кать, ну правда, если всё так плохо, как ты говоришь.

Я хотела подняться на ноги, но Катя положила мне руки на плечи, не давая встать.

– Не плохо, Лиса, совсем нет. Просто ты на себя забила. Будто не хочешь быть красивой. Одеваешься во что попало...

– В то, что удобно, – перебила я ее.

– Ну, или так. Но нельзя же вообще за собой не следить! – Катя говорила, стригла кончики моих волос, что-то ровняла, снова стригла.

– Где время взять, Кать? Вот где, скажи? Ты знаешь сколько сейчас всего на школьных учителей взвалили? Одной только отчетности! Плюс у меня три выпускных класса. Три, Кать! И это к моим пятиклашкам. Учителей в школе не хватает, нагрузка бешеная, а я еще дополнительные часы хватаю. Аттестации эти долбанные, а еще неплохо было бы детям знания как-то в их головы вбить.

– И? Это повод плюнуть на себя? Ты же понимаешь, что дело не в работе и занятости. Что-то в тебе угасло. Взгляд у тебя без твоего привычного огонька.

– Ну, и что, Кать? Зачем мне вся эта красота? Перед кем мне красоваться? Вадиму моему уже плевать давно, – я сглотнула тяжелый комок, подступающий к горлу. Мы давно с Катей не виделись, мне все некогда было, а теперь она смотрит на меня, будто я совсем ужасная, и мне реветь вдруг хочется. – Перед кем мне красоваться? Мне бы время найти чтобы выспаться, я же как лошадь – скоро стоя спать научусь.

– Для себя, Алиса, для себя, – отрезала Катя и включила фен, я только расслышала злое: – А Вадим твой... Мужика тебе... Чтобы глаза блестели...

Шум фена заглушал ее злость на Вадима. Катя была уверена, что все дело в мужике. Смешно, это что-то из древности, современная женщина как-то и без мужика может блестеть.

Катя заколола волосы, сняла с меня маску, приказала закрыть глаза. Снова что-то наносила на лицо, промакивала спонжем, мазала кистью, я почти уснула.

– Ну, вот! – спустя почти час воскликнула Катя и разрешила открыть глаза.

Ух ты! Я невольно улыбнулась своему отражению. Рыжие волосы волнами падали на плечи, усталость замазана, кожа мерцает. Так вот в чем секрет! Только взгляд по-прежнему усталый. Я от всех этих манипуляций, хоть и сидела на кресле, сильно устала.

– Сюда бы комбинезон брючный, бежевый, а лучше лиловый какой-нибудь, и все, звезда вернулась в тело этой женщины! – с улыбкой сказала Катя, окинув меня довольным взглядом.

– Но тут я тебе не помощник. Пока ко мне домой доедем, опоздаем на сборище одноклассников. Впрочем, это мышинное платье подчеркивает твою роскошную грудь, а грудь, всем известно, концентрирует внимание на себе и отвлекает от всего остального.

Я выпрямилась. Поморщилась от своей фигуры. Грудь тяжеловата, и мне кажется, я из-за нее, словно тетка какая-то. Впрочем, тетка и есть.

Мы шли к зданию школы, а мне хотелось повернуться и рвануть отсюда. Меня не покидала уверенность, что именно я буду той одноклассницей, взглянув на которую, многие скажут: «Да уж, жизнь никого не щадит».

На лестнице у школы стояли какие-то взрослые люди. Я усмехнулась, будто ждала, что там будут одиннадцатиклассники со знакомыми лицами. Я никого не узнала, а Катя потащила меня дальше. Вслед я услышала:

– Это что Зверева? Которая Лиса? Ничего себе, постарела-то как, – донесся до меня шепоток.

– Да уж, вот тебе и королева, – вторил другой.

Катя втащила меня в школу, дверь за моей спиной хлопнула, отрезая обсуждения. Но я видела, Катя тоже всё слышала.

Внутри все оборвалось. Даже если в глазах этих двух я уже подпорченный товар, тогда я даже уже и не знаю, что мне о себе думать. Хотелось повернуться и свалить отсюда. Но Катя схватила меня за руку и решительно потащила за собой на прицепе.

Мы поднялись на второй этаж и обе замерли, открыв рты.

– Держи меня, Зверева, крепче, кажется, я сейчас сознание потеряю. Это, что Балув? – с придыханием выдала Катя.

По коридору нам навстречу шел, я даже не знаю, как сказать, нет, не шел, а проламывавая метровый льды, двигался ледокол. Огромный и прекрасный – воплощенная сила. Под два метра, пышущая тестостероном мышечная масса: щетина, черные брови, ясные голубые глаза. На нем футболка, которая, казалось, сейчас треснет от валов, перекачивающихся под ней мышц. Штаны карго цвета хаки с карманами по бокам. Мощные руки с кувалдами кулаков. Не человек – стенобитное орудие.

У меня подкосились колени. Я даже успела понадеяться, что он меня не заметит и пройдет мимо, но не тут-то было.

Федя Балув шел к нам.

Неумолимо.

И от каждого его шага у меня все сильнее бухало сердце: «Черт, черт, черт, пускай, пожалуйста, развернется земля, и я провалюсь», – пронеслось в голове.

– Угу, – кивнула я, – это он...

Никак в голове у меня не укладывалось, что смотрю я на Федю Балуву. Этого мальчика, влюбленного в меня все школьные годы: нелюбимого, хмурого и потому только не забитого и не забуленого в свое время, что он всегда мог за себя постоять. Что не отменяло бесконечных издевок. От меня в том числе.

Все знали, что он в меня влюблен, знала и я, но не могла в те годы королева школы Алиса Зверева позволить себе глянуть на объект всеобщих насмешек – Федю Балуву, кроме как с презрением. Как и не могла признаться даже самой себе, что он ей нравится, что она и сама была влюблена в этого хмурого, словно загнанного стаей псов, волчонка. Признайся она тогда, и сама бы оказалась там же, где и он.

Все это так глупо выглядит сейчас и таким важным казалось тогда – двадцать лет назад.

Вот он все ближе. А я вся сильнее вжимаю голову в плечи. Боже, что он подумает? «Это, что та самая Зверева? Как такое вообще могло мне нравится?» Вот, что он подумает, как те, на крыльце, как Катя, когда я к ней пришла. Наверное, только затем и пришел сегодня, чтобы посмотреть, во что превратилась его первая школьная любовь. Что ж, я это заслужила, – неслось в голове.

Наконец, он подошел, а я не знала, куда девать взгляд, куда девать руки, и хотела только одного – провалиться сквозь землю.

Мальчик превратился в мужчину, от одного вида которого у меня подкашивались коленки. Даже Катя, эта уж со своей внешностью точно знала себе цену, и та поплыла, глянув на него.

Он подошел вплотную. Я глянула на него снизу-вверх и провалилась в эти голубые ясные глаза.

– Привет, Федя... – подала голос Катя.

– Привет, – пробасил он, даже не взглянув на нее.

Он смотрел на меня, а я краснела, бледнела, зеленела и зачем-то поправляла волосы.

– Зверева, где тебя носит? Только ради тебя и пришел.

Я как-то криво и нелепо улыбнулась.

– Так, времени у меня нет, – продолжил он, – поэтому коротенько. Я тебя, Алиса, люблю, любил и всегда любить буду.

– Фе... – заикнулась я.

– Помолчи.

Я тут же захлопнулась. Сердце ёкнуло и провалилось в живот.

– Ты где живешь? – спросил он.

– В ка...ком смысле? – выдавила я из себя.

– Адрес я тебя спрашиваю, давай быстрее, спешу я, сегодня вечером заберу тебя.

– К...к...куда заберешь?

Я уже не соображала, что несусь, о чем спрашиваю и что вообще происходит.

Он глянул на часы, сжал губы, будто разозлился и выдал:

– Номер диктуй. И адрес.

Катя быстренько сообразила, что происходит и продиктовала ему номер.

– Запомнил. Все. Пока, Кать, – он сделал шаг, но остановился и бросил уже мне, – а ты, Зверева, дома вечером жди. В восемь часов буду. Адрес твой сам пробую.

– Я за... замужем, – только и успела я выдать прежде, чем он ушел.

Никакого эффекта эта моя фраза на него не произвела.

– Божечки-кошечки! Что это вообще было? – Катя повела носом, словно принюхиваясь к оставшемуся висеть в воздухе мужскому запаху, смешанному с ароматом табачного парфюма. – Вот тебе и Федя Балугев, – протянула многозначительно Катя и добавила задумчиво, – кто бы знал, кто бы знал, из какого сора...

Я прислонилась к стене. Видеть мне никого не хотелось. Я хотела домой. Чтобы остаться одной, вспомнить слова «любил, люблю и всегда буду любить», голос и взгляд, полный тоски и обещания. Я молча развернулась и пошла обратно, на выход.

– Алиска, я останусь, ладно? Ты не обидишься?

Я махнула ей рукой, мол, порядок. Кате нужно было покрасоваться. В те школьные годы она была серой мышкой, такой, как я сейчас. А выросла в эффектную красотку, да, ей надо встретиться с ними, детьми из прошлого.

Я вышла из школы, глубоко вдохнула еще теплый сентябрьский воздух и потрянула головой, будто пытаюсь стряхнуть с себя наваждение.

«Я тебя, Алиса, люблю, любил и всегда любить буду», – все еще басил его бархатный голос в моих ушах.

«Этого не может быть, это просто не может быть, я сплю, я в параллельную реальность попала, где здесь выход и где мои вещи?», – несло в голове и какое-то странное, непонятное, давно позабытое тепло разливалось в груди, от которого мне становилось и боязно, и уютно одновременно. Мне вдруг подумалось, что, наверное, у меня сейчас глаза блестят. Без хайлайтера даже.

Глава 2. Эхо юности

Я поглядывала на часы каждые десять секунд, стрелки неумолимо приближались к восьми вечера. Сердце колотилось, руки дрожали. Я не сняла платье, я не смыла макияж, я бродила по пустой квартире из комнаты в коридор, из коридора в кухню, из кухни в спальню. А еще стояла перед зеркалом.

Они все это сказали: я изменилась. В худшую сторону. Федя, может, не разглядел? Или это правда, ну про любовь?

Это было так по-юношески абсурдно и прямолинейно сказано Федей, что я будто в кино про любовь оказалась. И точно также как от романтического кино защипало в носу, затрепыхалось сердце в томлении и надежде на что-то красивое, щемящее.

До 20:00 оставалось пятнадцать минут. Не в силах вынести, я выбежала из дома во двор. Смешно будет, если придет Федор и муж одновременно.

Я снова глянула на часы. Без одной минуты восемь. Я смотрю, как бежит секундная стрелка, словно как только она добежит до нужной отметки, небо упадет на землю.

– Ждешь? – слышу я глубокий бас над собой и подпрыгиваю от неожиданности.

Тут же поправляю волосы, не зная куда девать руки:

– Ну, твое предложение звучало как ультиматум, что мне еще делать? – отшучиваюсь я, глядя на Федю внимательно. Как будто жду объяснений его словам в школе.

Какой же он все-таки стал... даже не знаю, как это сказать. Основательный, что ли.

– Прогуляемся?

«Интересно, – думаю я, – а ему вообще можно отказать, как он это все так говорит, что совершенно не хочется сопротивляться».

И вот мы уже идем, а я держу его под руку.

Федя молчит. Я молчу. Кажется, что с этой неловкостью, словно нам не под сорок уже, а по-прежнему по шестнадцать, и поделаться ничего нельзя. Сердце в груди колотиться, будто пойманная в клетку птица, а мы все молчим и молчим.

– Как ты, Федя, расскажи хоть, – начинаю я, совладав с волнением. – Семья? Дети?

– Не, как-то не сложилось, – отвечает он, – а ты? Уже понял – замужем. Детишки?

– Тоже как-то не сложилось, – простой вопрос, но у меня тут же падает настроение.

Я всегда очень хотела детей. Но у нас с мужем ничего не получалось. А теперь и перестали стараться. И возраст уже на грани. Уже как-то боязно. Да и в принципе...

– Это потому что вы с мужем друг другу не подходите, – выдает Федя, не заморачиваясь.

– Во как! – удивляюсь я и веселюсь такому заявлению. – А ты прям точно знаешь?

– Конечно.

Он останавливается. Я оглядываюсь, подмечая, что совсем не следила, куда мы идем.

Мы оказались в уютном скверике неподалеку от моего дома. Солнце уже готовилось закатиться за горизонт и добавило еще больше золота в и так позолоченную листву.

Над нами распростер ветки, украшенные подпаленными красным листьями осенний клён. Картинка казалась и нереальной, и сказочной. Я в своей усталости ничего этого не замечала, а сейчас вот дышу, дышу – осенним воздухом, табачным, горьковатым вроде шоколада, запахом Феи – не надышаться. Будто сейчас уйду домой, и все закончится. Смою волшебный Катин макияж, снова наступят усталые будни, не будет слов про любовь, закончится этот романтический юношеский фильм.

– И почему ты так уверен, что мой муж мне не подходит? – спросила я.

– Потому что никто кроме меня тебе не подходит, – он взял меня за руку, поднес ее к губам и медленно поцеловал, прямо глядя мне в глаза.

Щеки обожгло румянцем, я тяжело сглотнула.

– Потому что и мне никто кроме тебя не подходит, – он взял вторую мою руку и тоже поднес к губам.

Я замерла.

– Я это понял еще тогда в школе, и честно всю жизнь пытался самому себе доказать, что это было просто подростковое помешательство, но оказалось, что это навсегда, Лиса-Алиса.

Он назвал меня так же, как когда-то называл в школе.

– Фе... – я сглотнула застрявший в горле комок, – Федя, ну, что ты такое говоришь? Сколько лет уж прошло...

– Двадцать с хвостиком, – перебил он меня.

– Боже, как время летит. Двадцать, Федя, это так много. Я уже не та девчонка, глянь на меня, совсем не та.

– Ты еще лучше, чем была.

Я отвернулась, его нетерпеливый, жадный взгляд меня смущал. Он шарил по моему лицу, по телу, впитывал в себя. Не особо-то я поверила его словам, но хотя бы высказался галантно. Мой Вадим не считает нужным как-то скрывать свое недовольство мной.

Федя положил мне руку на талию и притянул к себе.

Мое дыхание сбилось. Я так давно не испытывала желания сама, и не чувствовала желания к себе от мужчины, что вспыхнула сразу.

– Федя, что ты творишь? – я положила руки ему на грудь, собираясь упереться, но рука против моей воли скользнула ему на шею.

Под ладонью я чувствовала его пульс. Густым медом разлилась у меня внизу живота истома.

Теперь он обеими руками держал меня за талию. Его губы все ближе. От этого горячего дыхания мое сердце забилося еще чаще. Я обвила его шею руками. «Что он творит, боже, что я творю», – успела я подумать, прежде, чем его губы коснулись моих губ.

Я закрыла глаза и провалилась в этот поцелуй. Разом перестала существовать вся моя усталая, унылая реальность. Осталась только эта теплая осень, этот жаркий поцелуй, это разгоревшееся во мне пламя.

Он провел рукой мне по спине, другую запустил в волосы на затылке. Я не удержалась и еле слышно застонала ему в губы, но тут же отпрянула:

– Нет... подожди...

– Алиса... – он снова попытался меня обнять.

– Нет, Федя, не нужно, – я пыталась отдышаться, будто только что кросс пробежала.

– Прости, если что-то не так сделал, – пробасил он.

Так странно было это слышать, от этого большого, красивого брутального мужика. Я будто услышала в его голосе голос того мальчика из прошлого, который смотрел на меня самыми влюбленными глазами на свете.

– Все хорошо, просто это неправильно, – попыталась я найти какие-нибудь подходящие слова.

– А что вообще в жизни правильно? – ухмыльнулся Федя. – Нет в ней ничего правильного, Лиса. Посмотри на меня.

Я подняла взгляд и глянула в его светлые, ясные голубые глаза.

– Жизнь слишком коротка и слишком безумна, что если мы оба не доживем до завтрашнего дня? Что тогда будет правильным?

Он сделал шаг ко мне, и я не успела опомниться, как снова оказалась в его объятиях.

– Ты не веришь, что кто-то может любить тебя с первого взгляда и всю жизнь?

– Фе...

Он заткнул мне рот поцелуем. А я снова не могла сопротивляться. Не могла или не хотела – этого уже не разобрать. Я так соскучилась по таким поцелуям, по этому ощущению в теле,

когда все горит, когда истома лишает способности думать, когда хочется одного – чтобы это никогда не заканчивалось.

– Устроили тут. А еще замужняя к тому же учительница, – слышу я осуждающий старческий голос. – Чему она там детей научит!

О-о, это наша соседка, которая в курсе всего на свете, и чувствую, о поцелуе узнает весь двор и муж в придачу.

Федя отрывается от меня, но из рук не выпускает. Проходящая мимо бабуля смотрит на нас так, будто мы тут уже сексом занялись.

Но это так всё по-детски нелепо, будто нам лет по пятнадцать, ха-ха.

Я смотрю на Федю, он смотрит на меня, и оба мы расплываемся в улыбках.

– Я тебя заберу прямо сейчас, – выдает Федя.

– Куда забереешь? С ума сошел?

– Себе заберу.

– Феденька, милый, ты прости, но давай вернемся в реальность...

– Тебе не понравилось, как я целуюсь?

Я ужом выкручиваюсь из его объятий.

– Понравилось, очень понравилось, но нужно остановиться. Нырнули в юность и хватит.

Мне нужно идти, Федя, прости...

Я сама не понимаю за что прошу прощения, слова сами собой срываются с губ.

– Я провожу тебя.

– Не, нужно, пожалуйста не нужно...

– Хорошо, как скажешь, но я приеду за тобой завтра в это же время.

– Не приедешь Федя, – улыбаюсь я ему. – Мы другие, мы совсем другие, я другая... это просто... просто...

– Что просто?

– Легкое помешательство, я пойду, Федя, – говорю я, а сама слышу, как дрожит мой голос.

– Завтра я приеду за тобой, – снова повторяет Федя.

Я провожу ладонью по его щеке. Задерживаю руку на мгновение. Я будто прощаюсь с ним, благодарю за то, что он подарил мне это мгновение, за то, что я снова почувствовала себя живой.

– Какой ты... – я никак не могу подобрать нужного слова, – хороший.

Он перехватывает мою руку и прижимает к губам.

Я чувствую, как к глазам подступают слезы, и не понимаю, почему мне сейчас хочется плакать.

Он провожает меня взглядом, а я иду и зачем-то твержу себе: «Не оборачивайся, не смотри на него».

Но ничего не могу с собой поделать и гляжу на него через плечо.

Федя стоит, прислонившись спиной к клёну, который теперь, каждый раз, когда буду проходить мимо него, будет напоминать об этом поцелуе.

И с каждым шагом я чувствую, как словно на машине времени возвращаюсь из юности в свое настоящее.

В голове бардак. Сердце никак не успокоится. На губах вкус его губ, вкус этого сумасшедшего поцелуя. Я еще чувствую его запах, его тепло и то, чего уже очень давно не чувствовала и от чего невольно краска бросается в лица – чувствую, что мокро у меня между ног.

Глава 3. Безразличие и пустота

Ничто так не приземляет, как моя привычная реальность. Уже к середине следующего дня у меня из головы выветрился и вчерашний поцелуй, да и вообще, что вчера произошло.

Снова вернулась моя внутренняя замученная лошадь, и возвращаясь домой, я специально пошла той дорогой, чтобы пройти через сквер и мимо того раскидистого клёна под которым я вдруг почувствовала себя живой.

Сквер был на месте, клён был на месте, но больше ничего и не осталось.

«Может, Федя вчера просто решил надо мной пошутить? Такая мелкая месть за то, что я насмеялась над ним в школе, месть за свою юношескую любовь», – я усмехнулась этим мыслям.

В этом свете все как-то сразу стало больше похоже на правду.

«Ну, какая к черту любовь, Зверева», – сказала я себе, когда поднялась на свой этаж.

Я вставила ключ в замок, но почему-то все не решалась его повернуть. Не помню даже когда это началось. Чтобы я вот так стояла в подъезде и не хотела войти домой, но началось давно.

Каждый раз я замираю у двери, словно мне нужно перевести дыхание, словно нужно настроиться, пробудить в себе определенное настроение, надеть маску, спрятать какую-то часть себя: не удобную, не уютную и давно уже не родную для того человека, который живет вместе со мной за этой дверью.

«Живет со мной», – по-другому, наши отношения с моим мужем и не назвать.

Я шагнула в прихожую, тихонько затворив дверь, и скинула кроссовки.

Почему-то сегодня особенно остро хотелось быть незаметной. Чтобы меня ни о чем не спрашивали, чтобы не высказывали никаких претензий – провести хотя бы сегодня спокойный и желательно одинокий вечер. Насколько он может быть одиноким, учитывая, что в квартире есть еще кто-то.

Ни с того, ни с сего мне сейчас хотелось услышать с кухни, где сидел муж: «Ну, и где ты шаталась», – но я знала, что ему все равно. Даже если бы я заявила под утро измятая и пьяная вдрызг, он бы и бровью не повел.

Не факт, что он вообще заметил, что я вернулась домой в непривычное время. Скорее всего он даже не замечает, что я вообще существую.

В голове мелькнула фраза, услышанная совсем недавно: «Зверева, где тебя носит?», – брошенная моим бывшим одноклассником, и я невольно улыбнулась.

Я потеряла виски, крепко зажмурилась, снова открыла глаза и пошла на кухню. Вадим сидел за столом и строчил кому-то в мессенджер. На меня он не глянул. Я поставила греться чайник и сунула нос в холодильник.

– Привет, – сказала я, так и не понимая, зачем полезла в холодильник.

Выглядело так, что я с колбасой на полке поздоровалась.

– Привет, – ответил Вадим, не отрываясь от телефона. Он продолжал набивать сообщение, а я сама не знаю зачем, вдруг спросила:

– Вадим, а ты меня любишь?

– В каком смысле? – его очередь отвечать вопросом на вопрос.

– В прямом.

– Нашла, что спросить. Что на тебя нашло?

– Да так, ничего...

Звук клацающей экранной клавиатуры уже начинал выбешивать.

Я знала, кому он пишет. Я знала, что мой вопрос сейчас звучит нелепо. Я не ловила своего мужа за руку, я не снимала его с другой бабы, но знала, что он изменяет мне. Уже не

первый год. Да он и не скрывал особо. Мы просто об этом не говорили. Не о чем было говорить людям, которые давно живут друг с другом по инерции – автоматически.

– А Марину свою любишь?

Он встрепенулся и, наконец, оторвался от телефона.

Я даже знала, как зовут его любовницу. Во вкусе ему не откажешь, девица хороша, конечно, что уж тут говорить. Яркая брюнетка с пухлыми губками, лет на десять меня моложе. Фигуристая, длинноногая и, в отличие от меня, следит за собой.

– Чего ты несешь? Что за бред вообще?

Его телефон брякнул уведомлением. Он тут же открыл мессенджер и принялся писать ответ.

Я поставила кружку с чаем на стол. Села сама, спокойно и демонстративно взяла его телефон и опустила в кружку.

– Еб...сь, что ли? – он схватил уже почивший телефон, обжег пальцы и вскочил из-за стола.

Он настолько не ожидал такого поворота событий, что даже не успел среагировать.

– Давно уже, если пыталась сделать вид, что ничего не происходит.

– И что? Ты хочешь сейчас об этом поговорить?

Вадим промокнул салфеткой телефон и попытался его включить.

– Не хочу...

– К чему тогда все это?

Он чертыхнулся и бросил мертвый телефон на стол.

– А она тебя любит, Вадим?

– Вот ты зачем меня это спрашиваешь? Зачем ты нагнетаешь? Кто любит? Чего ты себе напридумывала.

– Марина, брюнетка эта... она любит тебя?

– Зверева, у тебя крыша поехала, точно тебе говорю! – рявкнул Вадим.

В этот момент, я вдруг порадовалась, что, выходя за него замуж, оставила свою фамилию. Вадиму это никогда не нравилось, и он больше звал меня по фамилии, чем по имени, словно подчеркивая это свое недовольство.

Я была аномально спокойна. Плохой признак. Такое мое состояние в момент стресса означало только одно – это затишье перед бурей, сейчас у меня будет истерика и не абы какая, а настоящий неконтролируемый приступ.

На такой случай у меня всегда с собой были таблетки. Уж и не помню, сколько я вот так ими глушу это время от времени разгорающийся внутренний пожар.

Вадим копался с телефоном, вытаскивая сим карту. Я сходила в прихожую, нашла в сумочке таблетки и закинула в рот сразу двойную дозу. Проглотила насухо, морщась от горечи, и вернулась на кухню.

Вадим тем временем переставил сим карту в другой телефон и включил его.

Таблетки встали поперек гортани, я сглатывала противную горечь, наблюдая, как мой муж снова тыкает в экран пальцем.

– Ну, хорошо, Алиса, раз уж ты завела это разговор... – он достал из шкафчика бутылку вина, откупорил и налил в кружку.

– Бокал бы хоть взял, – зачем-то сказала я.

– Да плевать, – он осушил кружку в два глотка и налил еще, – так что? Давай поговорим, раз тебе так захотелось.

– Мне не захотелось, я не хочу ни о чем говорить.

– Нет уж будь добра!

Я смотрела на этого когда-то любимого человека и все пыталась вспомнить, а было ли между нами вообще что-то? Не могло же не быть. Точно было. И нежность, и страсть, и даже какое-то единение. Где все это теперь? Почему этого больше нет?

Таблетки все никак не хотели проваливаться, я машинально взяла его кружку и выдула все до дна.

Этого нельзя было делать, но мне было все равно. Вадим только в удивлении дернул бровью. Он знал, что спиртное я не жалую, но ничего не сказал. Ему тоже было все равно. Безразличие – вот, что заменило нам все, ради чего люди решают провести жизнь вместе.

Безразличие и пустота.

– Я хочу, чтобы ты ушел... – медленно и с расстановкой произнесла я и будто мешок с камнями с плеч упал.

– С чего вдруг? – казалось, он не только не удивлен такому повороту событий, но будто ждал этих моих слов.

«Почему тогда сам не уходил, если ждал», – подумала я и почувствовала, что меня начинают подташнивать.

– Квартира ипотечная и хоть и оформлена на тебя, я за нее вообще-то аккуратно вносил платежи. Так, что еще нужно разобраться, кому из нее уходить.

На самом деле, я не выгоняла его, просто хотела остаться одной именно сейчас. И невольно попала в самую точку. Сразу отчетливо стало ясно, что он уже и сам собирался уходить и, видимо, прикидывал, как меня выставить, если так резко отреагировал на мои слова.

– Если хочешь, чтобы я ушел, пожалуйста, верни мою часть и не проблема. Только вот как ты будешь дальше выплачивать ипотеку сама, я не представляю.

– Справлюсь как-нибудь, – у меня поплыло перед глазами.

В ушах зазвенело и голос Вадима доносился до меня будто из глубокого колодца.

– Просто уйди, я тебе все верну. Прямо сейчас уйди.

Я поднялась из-за стола и на ватных ногах добралась до ванной.

Из прихожей доносился какой-то грохот. Похоже было на скинутый с антресоли чемодан.

Я скинула с себя одежду, пустила воду и стала рассматривать себя обнаженную в отражении. Я давно этого не делала. Будто стеснялась того, что увижу в зеркале. Словно не хотела глядеть в глаза реальности, не хотела убеждаться, что нет больше в отражении молодого и крепкого тела.

Громыкнула входная дверь и я голышом пошлепала на кухню, взяла бутылку с остатками вина и вернулась обратно.

Вода понемногу заполняла ванную, я пила вино маленькими глоточками и, казалось, словно кусок рафинада растворяюсь в воде.

Я не злилась на своего мужа. В какой-то мере даже понимала его. Вадим брал в жены молодую красавицу, а теперь живет с ломовой заезженной лошадей. Я уже не помнила, когда у нас в последний раз был секс. Когда он в последний раз смотрел на меня с желанием. Когда-то всё было романтично, как вот сейчас с Федей, но романтику сжирает быт, жир, усталость.

В какой момент и где я потеряла себя? Почему я превратилась в непонятно что? Я закрыла глаза слушая журчание воды из-под крана.

Федя...

Какая все это розовая романтическая глупость. Я взяла телефон и набрала сообщение Феде.

Вопросы в голове сменяли друг друга, но я уже не старалась искать ответы. Я проваливалась в уютную бархатную темноту. Здесь, в этой темноте было спокойно, ни чувств, ни звуков, ни света.

Только я наедине с собой. И безразличие ко всему, даже к себе. И пустота. Как же здесь хорошо.

Глава 4. Тактика и стратегия

«Гром Граниту, работайте», – прошипела рация.

«Принял, работаю», – ответил я, поднял штурмовой щит и включил фонарь на нем в режим стробоскопа.

Три придурка забаррикадировавшиеся в здании с заложником еще не осознали, что их ждет.

Взрыв, дверь слетает с петель. «Граната», – кричит один из моих бойцов и закидывает в комнату свето-шумовую гранату. Взрыв.

Вхожу прикрывая нашу тройку щитом. Сухой треск автомата.

Щит принимает на себя предназначенный мне свинец.

Боец позади меня делает две короткие очереди. Тишина.

«Контроль», – отдаю я команду и уже не смотрю на то, чем все это заканчивается для ублюдков. Слышу только два пистолетных выстрела.

«Чисто», – раздается из коридора.

«Чисто», – вторит другой голос уже из коридора.

Подхожу к заложнику. Заложник, молодой еще совсем парень, ослеплен и контужен взрывом гранаты, но это поправимо. В любом случае лучше, чем отправиться на кладбище.

Подхватываем его с бойцом и ведем к выходу. Сдаем на руки врачам скорой помощи. Я снимаю штурмовой шлем, оставаясь в балаклаве. Вижу, как к нам рвется репортер с оператором, но дорогу им преграждает тонированный наглухо минивэн.

Я с бойцами скрываюсь в машине, дверь захлопывается, минивэн рвет с места. Вижу только в окно, как репортеров на себя принимает кто-то из полиции – специально обученная говорящая голова.

Что-то жжется в плече. Осматриваю руку. Пуля прошла вскользь. А вот испорченный шеврон жалко. Порвало точно между верхними буквами – ЦСН ФСБ и нижними – Антитеррор.

– Тебе не щит, перед собой, а ковш от экскаватора держать нужно. За щитом ты не помещаешься, Гранит, – Гром ржет в голос. – Или ты специально руку высунул, боевым ранением, небось, хвостануть хочешь, перед рыжей?

– Что за рыжая? – спрашивает другой боец.

Я достаю из удостоверения фотографию и протягиваю ему. Тот смотрит с недоумением на потертую школьную фотографию Алисы Зверевой.

– Эээ..., – отдает мне фотографию обратно.

– А ты не в курсе что ли? Это ж Федина любовь на всю жизнь. Он у нас, видимо, с головушкой не ладит. Не рассказал тебе что ли, что встретил ее двадцать лет спустя? Прикинь, всю жизнь с этой фотографией ходит, будто других баб на свете не существует, – рассказывает Гром.

– Много вы понимаете, – огрызаюсь я в ответ.

Все они на самом деле понимают. Но не подколоть не могут. У каждого из нас есть свой талисман. И с фотографией Зверевой я в том числе и поэтому не расстаюсь. Как с символом чего-то настоящего, того, что я чувствовал только однажды, будучи еще пацаном да так за всю жизнь и не сумел почувствовать снова. Несмотря на всех мимолетных женщин, что у меня были.

У Грома в удостоверении фотография жены и дочери. У меня Зверева. Не моя вина, что мое сердце отказывается любить кого-то еще.

– Так, и чего там рыжая, Федь? Двадцать лет спустя, Дартаньян, ты серьезно? – снова ржет Гром.

– Серьезней некуда.

– И, что свидание?

– Можно и так сказать, – еще раз смотрю на фотографию и убираю в удостоверение.

– И как она спустя двадцать лет? – спрашивает Гром.

– Великолепно, – отвечаю я и добавляю, будто уже не ему, а самому себе, – даже лучше, чем я мог себе представить.

– Мдаа... любовь, – тянет Гром, уже без смешков.

Дальше мы едем молча. Доедем и наши позывные сменятся именами. Мы стряхнем с себя очередной рабочий день и попробуем жить обычную человеческую жизнь. Каждый как умеет.

С рукой в санчасти возятся слишком долго. Уже вечереет. Я постоянно смотрю на часы.

– Да залепи уже пластырем, – раздражаюсь на фельдшера.

– Разговорчики, товарищ подполковник, здесь я командую, – огрызается фельдшер.

– Все! – дергаю рукой, не давая ему закончить дело.

– Рапорт напишу! – угрожает фельдшер.

– Пиши, что хочешь, утомил. Возишься с царапиной, будто мне руку оторвало, нет времени у меня.

«На что, интересно, ты рассчитывал?», – спрашиваю я себя, подъезжая к дому Алисы. «Что она и правда, будет тебя ждать у дома в ситцевом платочке послушно на скамеечке?», – продолжал я терзать себя.

Вроде бы она говорила, что замужем. Так себе обстоятельство, но, как говорится, «муж не стенка, подвинется».

Но в принципе, на что я рассчитывал, когда приперся на встречу одноклассников? И тем не менее, она появилась, хоть и верилось в это с трудом. Мне хотелось проверить, ёкнет ли сердце, когда увижу во плоти объект своей безумной школьной любви.

Ёкнуло сердце. Да так ёкнуло, что я будто перенесся на двадцать лет назад. Снова почувствовал себя пубертатным Квазимодо с восторгом, глядящим на прекрасную Эсмеральду.

Она изменилась, конечно. Но только в лучшую сторону. Расцвела той женской красотой, с которой не сравнится буйная, но угловатая красота юности.

Мне показалось, что она стала какой-то зажатой. В школе Алиса Зверева блистала, сейчас она этот свой блеск будто старается всеми силами притушить. У нее это плохо выходит.

Все тот же огонь рыжих волос, длинные ножки, широкие бедра. Зеленющие ведьминские глаза и веснушки на переносице, которые не давали мне когда-то покоя. Линии тела стали округлее и плавными.

И, хоть и бросилось в глаза, что она стала мягче, даже можно сказать нежнее, в ее глазах даже сильнее, чем раньше блестели эти изумрудные бесовские искорки, которые преследовали всю мою прыцавую юность и не давали заснуть по ночам.

«Алиса Зверева – девочка мечты, ты стала только краше», – подумал я в тот момент, когда ее увидел и понял, что снова пропал.

Но если в школьные годы я был деревянным и понятия не имел, что мне делать, теперь я вообще, как негнущийся кусок арматуры.

Если и научился как-то обращаться с противоположным полом за все эти года, так только с той его частью, которую Гром – в миру Гриша и мой друг называл – тактическими тёлками.

Когда я попросил его объяснить, что он имеет в виду, Гриша на полном серьезе выдал: «Ну, бывает же тактический нож, тактический фонарь, тактическое обмундирование. Все это решает конкретные задачи на конкретный текущий момент. А бывает тактическая тёлка. Которая заточена под определенную функцию и под определенную задачу. Объяснять под какую надо?».

Объяснять мне было не нужно. Он все растолковал доходчиво. И даже пояснил: «Бывают тактические тёлки – это большинство, а бывают стратегические женщины».

Здесь он уже не так владел материалом, и когда я попросил привести пример, ответил просто, но очень доходчиво: «Такая только одна – моя жена. Больше примеров не имею. У каждого настоящего воина, Федя, своя стратегическая женщина, а вот тактическая тёлка может быть хоть одна на всех, хоть десяток на одного. Как тактическая фляжка, водой из которой воин всегда готов поделиться с товарищем. Но к счастью, их столько, что дефицитом они никогда не будут».

«Ты про фляжки?», – спросил я его тогда.

«И про фляжки тоже. Доклад окончил», – ответил Гриша.

Его философия была простой, как противотанковый гранатомет и надежной, как автомат Калашникова. И, конечно, нашла отклик и в моей душе.

Я шел по школьному коридору ей на встречу, и в голове крутились многочисленные конструкции из фраз, которые могли бы быть уместны к моменту.

Но все, что я смог сказать – это примерно то же самое, что написал когда-то в записке и то бледнее, то краснее решился сунуть ей в учебник. И это, между прочим, была вторая попытка признаться ей в любви. Первая была еще более неудачной.

Вот только в тот раз, двадцать лет назад, она подняла меня на смех. В этот же раз промолчала. Наверное, нужно было пользоваться моментом, и поступить как-то правильно, сказать что-то правильное. А вместо этого, я фактически отдал ей приказ.

Что ж, приказы у меня всегда хорошо получаются. Что умею то умею.

А вот ее сообщение мне не понравилось.

Что за хрень она мне прислала, еще с опечатками, учительница русского языка называется:

«Жизнь – не сказка, Феденька. У меня нет сил верить. Не стоит ворошить прошлое, оно ведь тоже было неудачным для нас».

Я вышел из машины, глянул примерно туда, где должны находиться окна ее квартиры и снова спросил себя: «На что ты вообще рассчитывал?».

Меня глючит, или с ее балкона льется вода? Я еще раз прикинул, где должны быть окна квартиры Алисы. Адрес я ее пробил в конторе, не очень правильно пользоваться служебным положением в личных целях. Хотя... если речь идет о стратегической женщине, что уж тут поделать?

Дверь подъезда распахнулась. На меня буквально вылетела бойкая старушка и тут же запричитала:

– Залива-а-а-ют!

– Спокойно! По пунктам, мать, чего орешь? – осадил я ее.

– Соседи сверху. Вода льет уже часа два! У меня ремонт, потолок – всё! – в глазах у бабули стояли слезы, – в 112 звонила, в ЖЭК звонила, а где они? До первого этажа всех затопят, пока кто-нибудь прие-е-дет, – заскулила она.

Я вытащил из багажника монтировку, топор и вернулся к подъезду.

– Ой! – вздрогнула старушка с опаской косясь на топор.

В ее глазах так и читался вопрос: "А у вас, батенка, фамилия не Раскольников случаем?".

– Пойдемте спасать ваш потолок.

Я поднялся на нужный этаж. Даже если бы не знал номер квартиры, найти ее труда бы не составило. Красивый водопад струился по ступеням в подъезде уже действительно до первого этажа.

Выламывать дверь мне было не впервой, и справился я в два приема, раскурочив замок в мясо.

Вода хлынула за порог, словно прорвало плотину. Дверь в ванную оказалась заперта.

Нехорошее предчувствие кольнуло в сердце. Я дернул дверь на себя и вырвал ручку. Думать времени не было. Я постучал по двери, только чтобы убедиться, что это ДСП, а не

сплошной кусок дерева и одним ударом кулака пробил в ней дыру, сунул руку и открыл замок с той стороны.

Алиса лежала голая в ванной без сознания. На губах пена. Каким-то чудом у нее неловко подогнулась нога и не дала сползти ей в воду с головой. На полу валялась пустая бутылка вина.

Я тут же подхватил ее на руки и вытащил из ванной. Сердце еще билось. Медлить было нельзя. Положив ее на кровать, я огляделся, схватил покрывало, завернул ее в него, как в кокон и подняв на руки, вылетел из квартиры.

Я нес ее по этажам мимо открывших рты соседей, словно выловленную только что русалку.

«Держись, девочка, только держись, все будет хорошо», – бормотал я, пока укладывал ее на заднее сиденье машины и приспособливал ремень безопасности так, чтобы он не дал ей скатиться с сиденья.

Алиса приоткрыла глаза, слабо улыбнулась, пробормотала, заплетающимся языком, так что я с трудом разобрал, что она хочет сказать:

– Ты не знаешь, а я тебя любила... Так любила тебя, Федя. Я тогда побоялась сказать, и сейчас снова всего боюсь.

«Зверева, твою мать, что же ты устроила», – злился я, заводя мотор. Никаких сомнений в том, что она наглоталась каких-то таблеток и сдобрила это дело вином у меня не было. И по всем признакам выходило, что вариантов у нее немного: выкарабкается, умрет или кома.

Я вез ее в нашу оперативную санчасть. Можно было и в скорую доставить, но нашим кудесникам я доверял больше, чем гражданским. Профессиональная деформация, ничего здесь не поделать.

На руках я занес ее в приемную, положил на кушетку и выдал ошарашенному дежурному врачу.

– Таблетки и бухло.

Тот многозначительно глянул на меня, спустил очки на нос и очень выразительно произнес:

– Балуев, ты охренел? Ты зачем бабу сюда гражданскую припер? У меня опергруппа возвращается с раненым и проверка на носу, с минуты на минуту пожалуют!

– Действуй, – я пытаюсь сдерживаться, но нервы на пределе.

– Вези ее в скорую, нахер она мне здесь не уперлась!

– Действуй бл..ь я сказал или я за себя на х.й не ручаюсь! – заорал я так, что у него чуть стекла на очках не треснули.

– Какие таблетки проглотила, знаешь? – спросил врач и поправил очки.

– Без понятия.

– Выйди отсюда и смотри в оба, если увидишь очень большие и красивые звезды у кого-то на погонах, мчи сюда, хватай свою рыбу полудохлую и очень быстро с ней убегай, доступно объясняю?

– Доступно, – кивнул я и вышел из кабинета.

Не помню, когда в последний раз меня потряхивало от волнения, а от адреналина сердце билось так, чтобы я его слышал. Может, когда в меня FPV дрон с подвешенным вышибным зарядом для РПГ летел? Похоже, но все равно не то. Или, когда наш БТР на противотанковую мину налетел? Тоже близко, но тогда я знал, что от меня зависит и, что мне делать.

А сейчас я чувствовал себя беспомощным. Ненавижу это состояние. Не допускаю этого состояния. «Лиса-Алиса, что же ты устроила, девочка, что же с тобой случилось, если ты так?», – спрашивал я неведомо кого и глядел по сторонам во все глаза, молясь, чтобы проверка о которой говорил врач не пожаловала прямо сейчас.

Глава 5. Баобаб

Я уже весь извелся, когда спустя какое-то время на крыльцо санчасти вышел врач, с облегчением выкурил сигарету и сказал:

- Ну, что не видать генералитет?
- Не видать, как она?
- В порядке твоя рыбина. Жить будет. Но тебе нужно увозить ее отсюда. Сам понимаешь.
- Понимаю. В каком она состоянии? В больницу везти? – спросил я.
- Да ничего там нового уже не сделают, можно и домой. Я тебе дам с собой препарат, поставишь ей капельницу, завтра уже нормально все будет. Хороший препарат. От сердца отрываю.
- Добро. Спасибо, – я крепко пожал ему руку.
- Да не за что. Где ты ее откопал вообще?
- Где откопал там уже нету.
- Ну, как знаешь. Забирай, в общем. Вези аккуратно. Очухается к вечеру, наверное, только. А, и еще, Федь... Она того стоит?
- Стоит. Стратегическая женщина.
- Ну, если стратегическая, – хмыкнул врач и едва заметно улыбнулся, видимо, тоже знакомый с Гришиной философией о тактике и стратегии.

Алиса снова лежала завернутая словно кукла в плед. Была мысль отвезти ее обратно домой, но я представил эту ее затопленную квартиру, представил себя, ставящим ей капельницу, и ее мужа, например, возвращающегося домой, откуда там мужья обычно возвращаются? И решил везти к себе.

Мне так спокойней будет. А там дальше посмотрим, как оно все получится.

Добравшись до дома, я расстелил кровать. Избавил ее от чертова пледа, уложил под одеяло и поставил капельницу. Благо с медико-тактической подготовкой у меня все в порядке.

Выглядела она так, будто просто спит и ничего страшного с ней не случилось. Я сидел на кровати рядом и смотрел как медленно падают капли в капельной камере.

Удивительно, я мечтал носить ее на руках и вот целый день только это и делаю. Не так я это себе немного представлял.

Ее рыжие волосы разметались по подушке. Похоже было на замершее бездвижно пламя костра.

Я слегка коснулся пальцем ее мягких губ, зачем-то проверяя, дышит ли она, и подумал: «А теперь расскажите мне, что первая юношеская любовь – это все игры, что все это не настоящему. Что время проходит и ничего не остается».

Служебный кнопочный телефон брякнул уведомлением.

– Черт! – ругнулся я, глянув сообщение, где значился только цифровой код, означающий общий сбор.

Ладно. Врач сказал, что к вечеру очухается, может, успею вернуться.

На колени прыгнул кот и выгнул спину дугой.

– За старшего остаешься, – я почесал его за ухом, – приказываю выступить на охрану стратегического объекта. Вид наряда – дозор. Задача – не допустить нарушения покоя объекта. Связь – по радиостанции. Пароль – рыжая. Отзыв – дурная. В случае обнаружения признаков нарушения покоя, доложить и принять меры для преследования и задержания нарушителя покоя. Вопросы?

– Мрры, – проскрипел кот своим будто прокуренным голосом.

Что означало, безусловно – вопросов нет, приказ ясен, выступаю на охрану стратегического объекта.

Ну, а что еще он мог ответить?

После получения вводных, моя группа погружается в машину. Я, Гриша и еще пара бойцов.

У кого-то мужика улетел чердак. Застал жену с любовницей, пристрелил из охотничьего ружья любовника, занял оборону и время от времени с балкона постреливает по прохожим. Никого, к счастью не зацепил. Требований не выдвигает, что напрягает – такой, скорее всего, уже все для себя и для жены решил, а своими действиями сам себе отрезает пути к отступлению. Уже приговорил сам себя и вопрос только в тот, получится ли спасти дамочку.

– Ты какой-то слишком напряженный, Федь, случилось, что? – спрашивает Гриша, когда мы занимаем места в машине. – Как там с рыжей, срослось?

Так всегда бывает перед штурмом. Разговоры, о чем угодно, только не о том, что сейчас предстоит. Пауза между получением задачи и ее выполнением заполняется пространными разговорами.

– Смотря, что ты имеешь в виду, – отвечаю я.

– Ну, как, что – это самое, – ржет Гриша.

– Это самое не главное, – говорю я.

– Значит не срослось, так бы и сказал, ну что ж, сочувствую, придется тебе и дальше на фотографию мастур... медитировать, – не унимается Гриша.

– А ты, я смотрю, в этом деле знаток.

Машина останавливается и смешки затихают.

– Работаем быстро и аккуратно. Пациент себя уже приговорил. Гром, работаешь с крыши, вы двое заходите через подъезд, ждете моей команды. Приказ ясен? Вопросы?

– Так точно! Вопросов нет, – слышу я дружное в ответ.

Я занимаю позицию со снайперской винтовкой на крыше дома напротив. Смотрю в прицел. Женщину не вижу. Наш пациент мечется по квартире от окна к окну. В одной руке нож, в другой охотничье ружье.

По его поведению уже понятно, что он на грани. Если женщина еще жива, времени у нее осталось немного.

– Гром, Граниту, на позиции, готов работать, – докладывает Гриша, по рации.

– На позиции, – отзываются бойцы в подъезде.

Я смотрю через оптический прицел на крышу соседнего дома. Гриша закрепил фал, прикрепит к обвязке, спустился по стене, упираясь в нее ногами и замер над окном на изготовке.

– Гранит Гонцу, обстановка? – я вызываю на связь переговорщика.

– Выдвинул требования – машина и деньги, – отвечает переговорщик.

– Тянет время, вытаски его на балкон, пусть покажет, что заложник жив.

Я замираю на изготовке. Подкручиваю барабан ввода на прицеле внося поправку на ветер.

Дергаются шторы. Дверь на балкон открывается, появляется женщина, у нее за спиной наш пациент, держит у ее горла нож.

Времени раздумывать нет. Вижу его голову у нее над плечом. «Только не дергайся, милая», – думаю я, ловлю мгновение между ударами сердца и жму на курок.

«Поздравляю с разводом и со вторым днем рождения», – говорю я мысленно дамочке и снимаюсь с позиции.

– Слушай, Гриш, ты жене цветы даришь? – спрашиваю я друга, когда мы уже едем обратно.

– А то!

– Что там они любят? Я в этом полный ноль.

– Что самому понравится то и бери, но есть и беспроеигрышный вариант – розы. Банально, зато наверняка.

– Кому понравится? Мне? Это вряд ли. Веник он и есть веник.

– Дерево ты, Федь, – баобаб, огромный и бестолковый. Либо почувствуешь, когда выбирать будешь, что именно взять, либо вообще не дари, лучше накорми женщину чем-нибудь вкусным тогда, – Гриша смотрит на меня как на неразумного ребенка, незнающего банальные и очевидные истины.

– Понял. Почувствовать и накормить, – зафиксировал я для себя.

– Ну, да, в твоём случае лучше и то, и другое, чтобы наверняка, а еще лучше одновременно, чувствуй, суй ей в руки цветы и корми, ты ж баобаб, тебе можно, – Гриша не упускает возможности в очередной раз поржать надо мной и добавляет напоследок, – и точно тогда станешь настоящим мастером медитации.

Я стою перед цветочной витриной и пытаюсь хоть что-нибудь почувствовать. Долбанный Гриша со своими квестами. Уже через пару минут, все цветы на витрине кажутся мне одним большим разноцветным кустом.

Я уже готов сдаться и тыкнуть продавщице, которая поглядывает на меня с какой-то странной блуждающей улыбкой на губах, в бордовые розы.

Наконец, взгляд выхватывает какие-то голубые цветы. Почему-то вспоминаются огненно-рыжие волосы Алисы и эти голубые цветы, кажутся мне самыми подходящими. Не знаю почему. Но все остальные цветы будто тут же исчезают из поля зрения.

– Дайте мне вон те пушистые цветы, – прошу флористку, – голубенькие.

– Гортензии?

– Пусть будут гортензии.

– И как-нибудь их это... как-нибудь, что там вы с ними делаете?

– Я поняла, сейчас все сделаю, – расплывается она в улыбке.

Чувствую себя как натуральный баобаб. «Это я должен был почувствовать?», – спрашиваю я мысленно невесть кого и поглядываю на часы, тревожась как там Алиса.

По моим прикидкам, она как раз уже должна очнуться.

Глава 6. Китайская мудрость

Я открываю глаза и тут же в ужасе зажимаюсь. «Это сон, я не проснулась, это сон», – несет в голове. На грудь давит что-то тяжелое и мягкое. Давит так, что я не могу вдохнуть.

Почему-то вспоминаю, что такое состояние называется – сонный паралич, когда просыпаешься, но не можешь ни пошевелиться, ни вдохнуть. Где-то в интернете я даже картинку видела, будто на груди сидит страшное чудовище и поэтому не получается дышать.

И чудовище сидит. Я потому и зажалась, не веря, что все это наяву. Огромное, одноглазое. Огромные уши, усы, морду рассекает шрам. Я чувствую, как усы касаются моего лица. Я чувствую его дыхание и холодею от ужаса. Что-то влажное и шершавое касается моего носа.

Адреналин впрыскивает в кровь, сердце разгоняется. Я слышу, как дышит этот монстр. Через силу набираю полные легкие воздуха:

– А-а-а-а-а-а!!! – ору я и вскакиваю, сбрасывая чудовище с груди.

Оглядываюсь по сторонам.

«Где я?», – несет в голове.

Что-то щиплет, чуть ниже локтя. Замечаю капельницу и катетер в вене. Машинально вытаскиваю катетер и сгибаю руку в локте.

«Боже! Это фильм ужасов, меня похитили, маньяк! Что мне вкололи?», – подпрыгивая с кровати, валю на пол капельницу и в этот момент понимаю, что я голая.

Слышу адское шипение и машинально запрыгиваю с ногами на кровать. Передо мной стоит каких-то невероятных размеров котик. Огромный, одноглазый, на морде шрам. Такие коты вообще бывают? Он, наверное, с рысь размером. И на ушах кисточки как у рыси.

Смотрит на меня одним своим глазом, шипит и выгибает спину дугой.

– Эй, котик... ты же котик, да? Кис-кис.

Кот перестает шипеть, садится и только хвост из стороны в сторону по полу.

«Так! Кровать, не колодец, не подвал, уже хорошо. Что здесь еще?», – пытаюсь сообразить, где я оказалась.

«Квартира, это квартира, хорошая, кстати квартира», – отмечаю я. «Почему я голая? Капельница? Помню, что легла в ванную. Идрить! Что вообще происходит?».

Я ищу взглядом какую-нибудь одежду. Неподалеку на кресле замечаю мужские спортивные штаны. На кровати мой плед. Он точно мой: «Меня сюда, завернув в плед притащили что ли?», – спрашиваю я сама себя.

Спускаюсь с кровати, поглядывая на кота. Теперь я его разглядела. Похоже, что мейнкун. Не знаю, бывают ли еще кошачьи породы таких размеров.

И только я делаю шаг, как кот тут же бросается на меня с диким шипением.

Я на кровать. Он следом.

– Уй-д-и-и-и, чудовище, – ору я во всю глотку, скатываюсь с кровати, вскакиваю на ноги и с диким визгом запрыгиваю на комод.

Кот за мной. Я хватаю с комода первое, что попало под руку, собираюсь запустить в это злобное чудовище, но вовремя замечаю, что именно схватила – огромный охотничий нож в кожаных ножнах.

Я вытаскиваю нож из ножен и кидаю ножны в кота. Этот гад в воздухе отбивает лапой ножны, будто какой-то спецназовец. И даже единственным своим глазом не моргнул.

Я слышу, как в прихожей хлопнула дверь. Сердце колотится словно бешеное, пульсирует в висках. Я поджимаю колени, трясую головой, чтобы волосы прикрыли грудь и выставляю нож перед собой, сжимая рукоять обеими руками.

Без боя я не дам, маньячила проклятый!

В дверном проеме появляется мужской силуэт. Очень внушительный мужской силуэт. Да он огромный, черт его задери!

– Не подходи! Зарежу! – ору я во всю глотку.

Он замирает, складывает руки на груди и опирается плечом на дверной откос, внимательно меня разглядывая. Его взгляд скользит по моим голым ногам. По груди. Вообще не заморачивается, разглядывает меня нагло и по-хозяйски.

Я приглядываюсь и понимаю, что знаю его. Будто дежавю какое-то. Он опускается на корточки, свет падает ему на лицо.

«Да быть этого не может», – проносится в голове.

Передо мной никто иной как мой бывший одноклассник Федя Балусев. Я бы в такой ситуации и не узнала его, если бы не недавняя пресловутая встреча одноклассников.

– Пэтээсэр, ты чего нашу гостью напугал, – говорит он коту.

Тот подбегает к нему и трется об ногу.

«ПТСР? Ну, и кличка», – думаю я.

Федя поднимается на ноги и идет ко мне. Я тут же гладу нож на комод, скрещиваю ноги и прикрываю грудь руками.

Не знаю, как работает мой мозг, но единственное, о чем я сейчас думаю – это о том, что он видит мое непрезентабельное тело. Сразу вспоминаю все его недостатки. Чувствую, как краска бросается в лицо.

А он идет и глаз не отводит, будто хочет подметить каждую деталь.

Подходит вплотную и запросто, как ни в чем ни бывало, словно это в порядке вещей, подхватывает меня на руки и несет на кровать.

– ... куда... чего... что происходит?... – бормочу я, вся, сжимаясь от такой бесцеремонности.

Он молча опускает меня на кровать. Я хватаю плед и натягиваю до самого носа. Он садится рядом и кладет мне руку на лоб, будто проверяет температуру.

Все это так странно. Сюр какой-то. Федя... кот этот... я голая под пледом, что вообще происходит?

– Прости, Алиса, я тебе записку оставил, но ты, наверное, не видела, – басит он.

– Какую записку? – бубню я через плед и принимаю.

От него пахнет чем-то похожим на машинное масло, перемешанное с табачным парфюмом. Очень brutальный и от того приятный запах.

Он берет листок бумаги со столика рядом с кровать и протягивает мне.

– И чего там? – спрашиваю я, не читая.

Он убирает записку в карман.

– Там про то, что ты у меня в квартире, и просьба дождаться меня, если придешь в себя до того, как я появлюсь. Как ты себя чувствуешь?

– Так, будто я с ума схожу. Зачем ты меня сюда припер и почему я голая, Федь? – я понемногу начинаю приходить в себя и у меня масса вопросов.

– Я же говорил тебе, что заеду и заберу тебя.

«Все-таки маньячила», – думаю я.

Но когда он начинает мне рассказывать, что произошло, до меня доходит, что как раз Федя, по всей видимости, единственный нормальный человек здесь. Представляю, какой ушат говна на меня от мужа бы вылился и выльется. А Федя просто меня забрал.

Я вдруг остро чувствую, что я голая рядом с очень красивым, brutальным мужчиной. А он меня разглядывал с такой жадностью, о боже. Наверное, удивлялся, какой жуткой, запущенной бабе признание делал, а теперь разочарован. Вот стыдобища-то! Мне вдруг остро хочется стать прекрасной. Хоть чуточку. А в глазах Феди какое-то странное тепло. Или мне кажется.

– Не знаю, Лиса, что у тебя произошло, но наложить на себя руки – это не выход, – подытоживает Федя.

– Что? Нет, ты неправильно понял... я не собиралась... – бормочу я, – так получилось.

– Хм, ну ладно.

Он снова кладет свою огромную теплую ладонь мне на лоб.

– Я же забыл, – он поднимается с кровати и выходит из комнаты.

Без него в комнате сразу пусто и одиноко. Я смотрю вслед этому огромному мужику, еще чувствуя тепло его ладони, и мне почему-то до ужаса хочется, чтобы он вернулся и сел обратно на кровать. От одного его присутствия рядом мне спокойно и сразу клонит в сон. А это недопустимо: у меня проблемы, что-то там с квартирой, с мужем, надо бы маме позвонить, работу не пропустить, но мне та-ак спокойно. Ловлю себя на том, что улыбаюсь.

Федя возвращается с внушительным букетом гортензий. Подходит и как-то неловко мнется, словно не знает, что теперь с этим букетом делать. Кладет на столик с кроватью. Я ошарашенно смотрю на цветы.

– Это мне?

– Кот бы меня не понял, если бы к нему приперся с букетом. Так что это тебе.

– С... с... спасибо... – я и сама не знаю, как реагировать на происходящее. Потому что цветы от мужчины женщине это не вообще какой-то там подарок, а именно от мужчины женщине, как будто чтобы подчеркнуть это. Вот муж мне цветы давно перестал дарить, и секса нет, потому что я для него не «женщина». А для Феди – да. Его поцелуй и слова о любви, теперь вот цветы.

Я внезапно чувствую себя женщиной, как бы глупо это не звучало, и снова начинаю смущаться, и румянец ползет по щекам. Ох, будто мне лет пятнадцать.

– Федя, а у тебя есть что-нибудь надеть?

Он вытаскивает из комода футболку и кладет на кровать.

Сам остается стоять как вкопанный и смотрит на меня.

– Отвернись, пожалуйста, – прошу я.

Он поворачивается ко мне спиной, вижу, что нехотя. Я скидываю плед и беру футболку. Просовываю голову в ворот и вижу, что он как ни в чем ни бывало смотрит на меня через плечо.

– Федя! – совсем не деланно возмущаюсь я, раздражаясь больше не от того, что он подглядывает, а потому, что беспокоюсь за свою неидеальную грудь. Но снова в Федином взгляде такая жадность, нетерпеливость, что у меня твердеют соски. Вот жеж. Я нервно дергаю футболку вниз и отворачиваюсь.

Чего он там не видел? С его-то данными, думаю, у него нет проблем с девицами и красивее и моложе. Но вопреки попыткам убедить саму себя в том, что я – неликвид, мне тепло от Фединогo внимания, я чувствую себя... эм-м, ничего так, я даже перестала горбиться.

– Телефон дать? – спрашивает он ни с того, ни с сего.

– Зачем? – не очень понимаю, зачем мне телефон.

– Ну, мужу позвонить, вот уж кто точно сейчас в шоке, учитывая, на что похожа сейчас ваша квартира. Еще и жена пропала. Я бы уже весь город на уши поднял.

– Не нужно телефон, муж у своей любовницы, ему не до меня.

– Во как. Так ты из-за этого грохнуть себя решила?

– Грохнуть? – я не сразу поняла, что он вкладывает в это слово.

– Ну, руки на себя наложить, – поясняет Федя.

– Нет, конечно! Я же говорю – не собиралась я, так получилось, блин!

– Ага, и вино само как-то так получилось, что в тебя влилось? Поверх таблеток.

– Я вообще не пью!

– Ладно, как скажешь, – ухмыляется Федя.

– Да, пожалуй, мне нужен телефон, давай, – прошу я.

– Зачем? – Федя невозмутимо поднял бровь и спрятал телефон в карман.

– Сам же предложил.

– Ну, так я думал... а теперь-то зачем?

– Федя, спасибо, конечно, что спас меня, правда, спасибо... но мне домой нужно. Там соседи, наверное, уже на уши подняли все, что можно поднять, я же затопила этажа два, наверное.

– Три, – поправляет меня Федя.

– Тем более... мужу, может, и все равно, а мама моя, наверное, беспокоится.

– Маме можно позвонить, – разрешил Федя и протянул телефон. И снова никуда не ушел, сидит рядом, приготовился слушать.

Я набираю мамин номер. Идут гудки, затем мамин тревожный голос:

– Аллю, аллю, кто это?

– Мама, это я.

– Алиса, детка, ты зачем от Вадима ушла?

– Что? – удивляюсь я, причем тут Вадим.

– Мне Вадик сказал, что ты его выгнала из дома, – мамин голос взлетает до отметки «осторожно, истерика».

– А он не сказал, почему я его выгнала? – уточняю я.

– Детка, детка, – мама кричит в трубку, я отвожу телефон подальше, – подумай о будущем. Ты немолодая уже, Вадим стабильный, он выплачивает ипотеку, он терпит твой характер. Ну сходил на сторону, мужики они такие. Но ты будь мудрее. Алиса, ты меня слышишь?

Я прикусываю губу и смотрю на Федю. Мама так кричит, что слышно всем, и мне, и Феде, и ПТСРу – сидит вон, осуждает меня, одноглазый. Я решаю, что лучше маме не говорить про то, что я ипотечную квартиру затопила, а еще всех соседей под этой квартирой. То удивительное чувство, что своим жадным взглядом вызвал во мне Федя, бесследно исчезает. Остается реальность. Голая, неприглядная, усталая.

Как я сама. Я прощаюсь с мамой, отдаю телефон, говорю:

– Ладно. Мне правда надо домой.

– Нет, домой тебе не нужно. Ты здесь останешься, – говорит он, и это не звучит как просьба или предложение, скорее, как приказ. – Тебе нужно восстановиться, нужен присмотр, в твоей квартире сейчас жить невозможно. Все остальное я решу, соседи, что еще там... тебе не нужно заморачиваться. А мама твоя не права.

– Спасибо, конечно, но я сама как-нибудь, – пытаюсь я возразить для вежливости. Ему-то зачем мои проблемы?

– Если как-нибудь – то не надо, сказал, что решу, значит решу. Вопросы? Жалобы? Предложения?

Сказал он это таким голосом и так глядел при этом на меня, что перечить ему совсем не хотелось. Я вжала голову в плечи и только смотрела на него, пытаюсь понять, что у этого мужика вообще на уме.

– Знаешь, мудрость есть такая, китайская кажется: если спас человеку жизнь, ты за него в ответе до конца своих дней? Хочешь поспорить с китайцами?

Я замотала головой.

– То-то же, – он сел на кровать рядом со мной.

– Так что твоя жизнь, Алиса, теперь принадлежит мне.

Он заправил мой локон мне за ухо, слегка коснувшись виска. Я вздрогнула, а по спине пробежали мурашки.

Ему на колени запрыгнул кот. Удивительно, но на фоне Феде этот монстр смотрелся словно обычный кот, на коленях нормальных размеров человека.

Соображала я в свете всего произошедшего и сказанного тугο. Я обреченно вздохнула и подумала невпопад: «Сходила, блин, на встречу одноклассников».

Глава 7. Поэзия

На ночь я расположился на диване. Еще пришлось уговаривать Алису ночевать у меня в комнате в моей кровати. Мне, говорит, неловко. Неловко спать на потолке – одеяло падает.

Сон не идет, удивительно, но даже после работы меня вырубает до самого утра и сплю я без снов, а сейчас, стоило в моей квартире вспыхнуть этому рыжему огню и глаз не сомкнуть. Что за хрен этот ее муж? Лису ведь надо беречь, чтобы глаза не потухали, чтобы огонь не угас. А она с бутылкой в ванне, вот же хрен моржовый, довел малышку. И мать ее пургу несет. Будто они на пару решили – не сияй, Алиса.

А Лиса – огонь. В голове одна и та же сцена крутится на повторе, словно зацикленное короткое видео – Алиса голая на комод. Одновременно и нежная, и дикая. Тяжелая высокая грудь с розовыми сосками, которой так и хочется коснуться, плавные линии талии... бедра... ноги. Вспомнил и машинально облизнулся, и почувствовал, как набухает член.

Странно, но тогда в школе, когда я сох по Алисе, даже позволить себе не мог представить ее голую. Будто это оскорбит и ее, и мою любовь.

А что-то большее, да ни в жизнь, представить, как трахаю Алису? Да как можно трахать ангелов, совсем что ли ничего святого! Тогда как с другими девчачьими образами таких проблем у вечно перевозбужденного подросткового организма не было.

Зато сейчас очень живо могу все представить. Прямо на этом комод. Я перевернулся на бок затем на живот, напряжение в паху было такое, что пришлось снова лечь на спину.

Вспомнилось, как я впервые признался ей в любви. Страшнее для меня в жизни, наверное, был только самый первый штурм.

Но если при штурме все во многом зависело от меня самого и от того, как я был подготовлен, а подготовлен я был так как надо, здесь от меня не зависело вообще ничего.

Загодя я исписал школьную тетрадку в клеточку прекрасными на мой взгляд стихами, но по факту это были самые ужасные стихи на свете. Одна только рифма любовь – кровь чего стоила.

Но я чувствовал себя Лермонтовым не меньше. И тот же грустный взгляд... и та же извечная русская тоска в глазах. В общем, сделал все, чтобы опозориться.

Мой товарищ, дабы я набрался смелости, а мне ее тогда не доставало, принял радикально верное, на его взгляд решение:

– Нужно выпить, – приговорил меня той далекой зимой мой друг Гриша.

Да, тот самый Гриша, он же Гром, который так любит надо мной поржать теперь.

Сказано сделано. Сосед Гриши, не гнушавшийся вливать в себя все, что горит, легко согласился купить нам бутылку водки, при условии, что половину мы отольем ему.

И вот, мы в подъезде Алисы Зверевой. В сердце у меня огонь, в штанах перманентный юношеский стояк, а в руках измятая тетрадка в клеточку с лучшей поэзией, на которую только способно человечество.

Нужно ли говорить, что спиртное я до этого не пил. Да и Гриша не пил. Зато храбрился. Он многозначительно достал из кармана сломанную посередине сигарету, тоже невесть откуда добытую и произнес преисполненный мудрости:

– Закусим курятиной.

Курятиной так курятиной. Так сложились звезды, что в тот день одним махом я познал все прелести доступных взрослых удовольствий впервые: первый раз выпил, первый раз покурил и впервые решился на рыцарский (а я считал, что это непременно рыцарский) поступок.

Мне выпала честь быть первым. В одной руке я держал бутылку. В другой зажженную сигарету. Под мышкой – тетрадка в клеточку со стихами, над которыми, я уверен, рыдал бы Пушкин.

Гриша уверял, что все нужно делать быстро. Как в армии. Я не стал спрашивать, что Гриша знает об армии. На всякий случай.

Я делаю глоток, тут же глубоко затягиваюсь и, конечно, меня разрывает будто хорошо встряхнутую и резко открытую бутылку с газировкой.

Из носа течет водка, сжигая слизистую, легкие разрывает от кашля. Я фонтанирую во все стороны, что твой гейзер, твою мать. Из глаз льются слезы (я же поэт, стихи должны быть пропитаны слезами), я красный, злой, но все еще влюбленный.

Вижу, что Гриша явно не ожидал такой реакции. Но виду не подает. И важно так замечает:

– Курятина не зашла.

Но сам почему-то после того, как посмотрел на разорванного от любви, курятины и конечно, поэзии друга, пить почему-то отказался.

Откашлявшись, после того, как глаза снова залезли в свои орбиты, я решил – или сейчас, или никогда.

Мои друг Гриша, как настоящий друг, оставил меня перед дверью Алисы Зверевой и покинул поля боя со словами:

– Все будет ништяк.

Что он имеет в виду, я понятия не имел. Но кто я такой, чтобы спорить с таким осведомленным человеком, как Гриша?

Я утопил кнопку звонка. Тишина. Проскочила мысль: «Может, ну ее на хер эту поэзию?». Но отступать было нельзя. Кто я после этого? И как на меня будут смотреть с портретов в кабинете литературы: Лермонтов, Есенин и Пушкин?

Тем более, несмотря на то, что мой организм, вроде как, вытолкнул ее из себя огненную воду, водка все же возымела действие, видимо впитавшись через слизистую. Я почувствовал себя смелее, но как только, не надеясь уже на дверной звонок, постучал в дверь, понял, что зря я себя так почувствовал.

Хотелось провалиться, раствориться, аннигилироваться, обнулиться – выпрыгнуть в окно и разбиться.

Дверь открылась и я, как истинный рыцарь с бесстрашным сердцем, не моргнув глазом выдал:

– Дай домашку по математике списать.

Алиса в удивлении пожала плечами, зная, что как раз с математикой у меня проблем нет. В отличие от поэзии, математика давалась мне легко, и я был лучшим в классе.

Но все же она молча закрыла дверь, оставив меня за этой дверью познавать, что такое трусость, ничтожность и моральное падение.

Я стоял, переминался с ноги на ногу, чувствовал себя как арестованный Лермонтов перед ссылкой на Кавказ, изжамкал в руках тетрадку в клеточку, где томились стихи, достойные быть высеченными на скрижалях.

Страшно было в этом признаться, но у меня дрожали коленки. Мысли путались: «Говорить, не говорить, а что, если?..».

Перед глазами стоял ее прекрасный образ: обжигающий огонь рыжих волос, малахитовая зелень самых прекрасных на свете глаз и веснушки на переносице. Ох уж эти веснушки! Да я бы за эти веснушки!..

Я не успел додумать до конца мысль, чтобы именно я бы сделал за эти веснушки, как дверь открылась, на пороге появилась Алиса Зверева и протянула мне свою тетрадь по математике.

И что сделал благородный рыцарь?

Благородный рыцарь и поэт, этот храбрый Идальго швырнул в Алису свою изжамканную поэзию, и слова из него вылетели так, будто он пытался задержать их во рту, но кто-то отвесил ему подзатыльник:

– Я люблю тебя!

И зажмурился. Я зажмурился твою мать! Идальго – это фиаско!

Я открыл сначала один глаз, затем другой. До Алисы, видимо, не сразу дошло, что именно выдал светоч русской поэзии. Но когда дошло, она прыснула смехом, у меня внутри тут же все оборвалось, и я убежал оттуда так, будто я Пушкин, а Дантес в меня промахнулся и теперь бежит за мной с огнеметом и поливает все вокруг огнем.

– Ну, что?! – Гриша буквально поймал меня, когда я вылетел из подъезда, словно пушечное ядро из пушки.

– Любовь – говно! – гордо произнес я, задрав подбородок и в этот же момент понял, что стихов я больше никогда писать не буду.

– Сказал? – спросил Гриша.

– Сказал, – ответил я.

– А она?

– Засмеялась.

И тут Гриша сказал, такое, что я понял – настоящий поэт на самом деле мой друг и более того, он еще до кучи: мудрец, философ и вообще разбирается:

– Бабы – дуры!

Кажется, где-то на воспоминании об этих бессмертных словах я и заснул. Это был даже не сон, а так полудрема. Я время от времени просыпался от того, что бормочу во сне: «Я лю..., я блю..., дуры..., я...».

Чувствую, что меня будто кто-то тихонько, аккуратно так тыкает в плечо. Открываю глаза и толком еще не проснувшись продолжаю сонное бормотание:

– Я тебя люблю...

Понимаю, что смотрю на Алису. Она смотрит на меня и смущенно так отвечает:

– Спасибо, конечно, но там это... Федь, кот...

– Что кот? – нифига не могу сообразить.

Сон и реальность перемешались. Та смеющаяся красивая рыжая девчонка из воспоминания превращается в прекрасную рыжую женщину, смотрит на меня какими-то испуганными, но как прежде малахитовыми глазами, которые стали только еще зеленее и глубже, а я чувствую себя так, будто сорвал джек-пот и поверить не могу, что все происходит на самом деле.

– Кажется, он хочет меня сожрать, я его боюсь, заberi его, пожалуйста.

Она сидит рядом и как только пытается встать, я, не отдавая себе отчета, все еще не прогнав остатки сновидения, вызванного воспоминаниями, хватаю ее за руку.

Мне кажется, что сейчас она выдернет руку и прыснет смехом, как тогда, но Алиса только смотри на меня с легкой тревогой, словно не знает, чего от меня ожидать.

А я и сам не знаю, что от себя ожидать. Уже понимаю, что делаю глупость, что делаю неправильно, но не могу удержаться.

Я тяну ее на себя, она поддается, но будто с опаской. Я ее пугаю? Наверное, пугаю, но все равно прижимаю к себе.

– Федя... – тихо шепчет она.

Я касаюсь губами ее губ. Почему-то не могу позволить себе сделать так, как хочу – впиться в эти сладкие губы, раскрыть их языком. Вместо этого только касаюсь, хочется от их тепла и ее горячего дыхания закрыть глаза, но я смотрю на нее.

Поцелуй получается невинным, но от него внутри меня разгорается такой огонь, что я едва держу себя в руках.

– Федя... – снова бормочет Алиса и в уголках ее губах мелькает улыбка.

Я боюсь спугнуть этот момент, боюсь что-нибудь разрушить, сделать что-то непоправимое и собрав всю свою волю в кулак, отпускаю ее руку.

– Кот... ты говорила, кот...

– Угу, – кивает это рыжее чудо, – мне, кажется, он меня сожрет.

«Эх, Алиса, это скорее я тебя сожру, сил моих больше нет», – думаю я и поднимаюсь, готовый ради нее разобраться с кем угодно: с котом, с собой, с ее мужем, со всеми ее соседями, с татаро-монголами, печенегам, немцами с Гитлером и французами с Наполеоном. Готовый взять приступом какую-нибудь турецкую крепость, сорвать щит со врат Царьграда, спалить Содом и Гоморру.

Но самое страшное и вместе с тем прекрасное, кажется, я сейчас способен совершить нечто по истине ужасное. Такое от чего содрогнется небо и пошатнутся основы мироздания.

Я готов писать стихи. Держите меня семеро, впятером не удержите! Будь она не ладна эта гребаная поэзия!

Глава 8. Кофе и броневик

Я сижу на кухне, забравшись на стул с ногами, уперлась подбородком в колени и обхватила их руками.

Его огромная футболка закрывает меня всю. Я будто сижу в палатке, только голову высунув наружу.

Федя стоит у кофе машины и ждет, когда та отшумит, отфырчит и отдаст ему две чашки кофе. Между нами громкая тишина: в ней его нежный ночной поцелуй спросонья, школьное прошлое, вся моя хмурая реальность снова отодвигается куда-то далеко. Я волнуюсь.

Смотрю на его мощную спину, на бугры мышц под плотно обтягивающей футболкой. Плечо одной руки у него залеплено пластырем. На другой татуировка – оскаленный череп в берете. Исполнена очень искусно, я загляделась.

День, когда ко мне пришел Федя и швырнул в меня тетрадь со стихами, был странным. Я и сама была влюблена в Федю. Не знаю за что. Он смотрел на меня так, что я чувствовала себя единственной и самой-самой важной. Я надменно отворачивалась, сердце колотилось, ноги были ватными, а если его не было в школе, день казался пустым. И ничьи другие взгляды не могли дать мне того, что давали Федины.

Я вспомнила, как мама крикнула мне:

– Алиса, там этот твой медведь пришел, – мама осуждала Федю за неблагополучие, за неумение быть болтливым и дружелюбным.

А за дверью стоял Федя, от него несло жутким запахом сигарет, спиртного, глаза у него были бешеные. Я сразу поняла, что он хочет мне сказать, я похолодела. А он попросил тетрадь по математике. Дурак! И я ушла за тетрадкой, а мама, которая тут же стояла в коридоре, прошипела:

– Ты же не будешь с этим вот встречаться, да? Чего он шастает и смотрит, смотрит, скоро всю тебя высмотрит, ничего не останется. Он всю репутацию тебе испортит. Нечего с такими связываться, простой он слишком.

Я махнула матери и выскочила к Феде, он сказал: «я люблю тебя».

За дверью стояла и слушала наш разговор с ним мама. Я волновалась. Было глупо, неловко. Я засмеялась. Как идиотка. А у Феи стало такое лицо... Боже. Мне казалось, у меня сердце разорвется. Я побежала было за ним, но меня из-за двери дернула за рукав мама и втянула обратно.

Потом, годы спустя случился со мной Вадим. Вадим был в костюме, он умел говорить, улыбаться и очаровывать. Мама его одобрила. А я просто не сопротивлялась его настойчивости.

Сейчас рядом с Федей мне кажется, что я тогда не решилась на что-то важное, простое по зову сердца, и законсервировалась на годы. И вот оттаиваю сижу, меня тянет к его рукам магнитом.

Удивительно насколько нежен он может быть. Ни за чтобы не поверила бы, такой большой, мощные ручища, Федя словно создан для того, чтобы что-нибудь крушить и ломать. И такой нежный поцелуй. Такие теплые ладони. Я прикрыла глаза, и глубоко вдохнула, не давая себе совсем провалиться в это вчерашнее мгновение.

Кофе машина, наконец, справилась, Федя поставил передо мной чашку с кофе и сел за стол сам. На соседний стул запрыгнул ПТСР и ударил лапой по столу. Федя вскочил:

– Прости, брат. Гостя, сам понимаешь. Сейчас всё будет.

Это у них с котом разговор. ПТСР снова ударил лапой по столу. И Федя достал из холодильника молоко, налил в пиалу и поставил на стол перед ПТСром. Чудные оба.

– Федя, я все-таки хочу добраться до своей квартиры, нужно посмотреть, что там вообще происходит. Спасибо тебе, за гостеприимство, но пойми...

– Я понимаю, – перебивает он меня, – поедем, как только скажешь.

– Поедем? Я думала, я...

– Сама? – снова перебивает меня.

Вообще не заморачивается тем, чтобы дослушать меня до конца.

– Ну да, или ты голая собралась до своего дома добираться. Или в этой футболке? Ну, я могу, конечно, свои штаны тебе дать, но боюсь, фасончик неподходящий.

Черт, а он прав.

– Тогда допьем кофе и поедем?.. – спрашиваю я и добавляю зачем-то неуверенно, – да?

Он молча кивает в ответ. Я все еще чувствую неловкость. Такое ощущение, что вчерашний день – это было какое-то сновидение, а сейчас я проснулась и как-то враз осознала все, что со мной произошло за такое короткое время: муж с любовницей, потоп в квартире, чуть не самоубилась ненароком, работа никуда не делась и ко всему – мне нужно как-то все это разгрести, а у меня ни сил, ни средств, ни даже идеи с чего начать.

Ловлю его взгляд. Что-то изменилось. Он смотрит на меня так, будто снимает мерку. Слишком уж подробно разглядывает. Я невольно вжимаю голову в плечи, соображая, что может быть не так.

– Встань-ка.

Черт! Почему он говорит так, да еще таким голосом, что даже мысли не возникает перечить ему или сопротивляться. Я, вроде как, не хочу, но послушно поднимаюсь со стула.

Федя встает, делает ко мне шаг, натягивает футболку на спине так, что спереди она меня обтягивает с такой силой, что под ней видно все так, будто на мне и нет футболки.

Все происходит в одно мгновение. Я даже отреагировать не успеваю.

Федя по хозяйский хмыкает и задумчиво так говорит:

– Думаю не промахнулся, должен попасть в размер, – и отпускает футболку.

Краска заливает мне лицо. Ощущение такое, что меня раздели, разглядели, оценили и снова одели.

– Куда попасть? – спрашиваю, наконец.

В этот момент в дверь раздается звонок. Федя идет открывать, так и оставив меня без ответа и вскоре возвращается с какими-то пакетами.

– Это тебе, одевайся и поедем. Разберемся, что там у тебя с твоей квартирой, – он показывает взглядом, чтобы я шла за ним.

Федя ставит пакеты в комнате на пол и выходит.

Сую нос в один пакет – какие-то шмотки. В другой – коробка, похоже, с кроссовками.

Вытаскиваю светлые джинсы и женскую футболку, в коробке действительно оказываются кроссовки. В еще одном, самом маленьком пакете, обнаруживаю женские трусы.

Все четко и по делу. Он будто выдал форму солдату-новобранцу. Но меня почему-то так все это умиляет, что я смущенно, хоть на меня никто и не смотрит, улыбаюсь. Я только вот джинсы не ношу. Все порывалась купить, но Вадим говорит так с нажимом: «Ты что в джинсах пойдешь, в обтяжку, у тебя габариты не позволяют такое носить».

Я и не ношу.

Я была уверена – что-нибудь окажется не по размеру, а скорее всего вообще – все. Но вот же чудеса: и джинсы, и футболка, и даже трусы сидят как влитые.

«Ну, и глазомер, снайпер, блин», – удивляюсь я.

И стесняюсь. Джинсы обтягивают, футболка тоже. Но я себе нравлюсь в зеркале, кхм, сексуально даже как-то. Прикусываю губу и выхожу из комнаты, не знаю, куда руки деть, сую в задние карманы, от этого грудь выпячивается. О, ужас, будто я намеренно его соблазняю. Убираю руки из карманов, поворачиваюсь боком, Федин взгляд падает до моей пятой точки.

Да что ж такое, будто я перед ним жопой виляю. А Федя стоит, прислонившись спиной к стене и сложив на груди руки. Оценивающе окидывает меня взглядом. Смешно, но ПТСР сидит рядом и точно таким же взглядом единственного глаза меня оценивает и, кажется, не одобряет.

Но Федя... Ох, уж этот взгляд! Меня аж до мурашек пробирает. Я развожу руками и пожимаю плечами, дескать: «Ну вот, Феденька, что есть – то есть».

– Повернись-ка, – приказным тоном бросает Федя.

И я сначала поворачиваюсь, и только потом ловлю себя на мысли: «Да, чего он командует, блин!».

– Шикарно... – протягивает он задумчиво, я тут же от его слов таю. Он добавляет следом, – ну, поехали, что ли, оценим масштабы катастрофы. ПТСР, ты за старшего. Охраняй периметр!

– Вот это танк! – удивляюсь я, когда мы выходим на улицу и подходим к его машине. – Ты меня на этом привез? Это вообще машина или броневик?

Вообще Феде, конечно, подходит этот боевой монстр. Я не могу разобрать, что это вообще за машина, понимаю только, что военная.

– Можно сказать и броневик, – не без гордости отвечает Федя, – армейский броневомобиль – Тигр-М.

– Мы на войну собираемся? А где пулемет?

– Пулемет здесь был, – Федя отвечает на полном серьезе, – охолощенный, для антуража, но почему-то такую кастомизацию не одобряли на постах ДПС. Да и другие водители нервничали. Ты не волнуйся, в салоне комфортно, я позаботился.

Он открыл передо мной дверь.

В салоне машины, и правда, оказалось очень прилично. Если не знать, что снаружи это натурально танк, можно решить, что изнутри это просто очень комфортный внедорожник.

Федя садится за руль и, как мальчишка, который решил похвастаться, начинает мне объяснять, будто я в этом что-то понимаю:

– Полностью салон переделали мне, все на заказ, ну, сама видишь – кожа-рожа, все дела. В общем, даже поинтереснее, чем в каком-нибудь японце, в кружёре там, или лексусе.

С тем же успехом он мне мог сказать что-нибудь наподобие: «Тыр-пыр-мыр, чих-пых, туда-сюда». Я ничего не поняла. Только кивала с понимающим видом. Мне нравился его запал, его восторг. Я ласково погладила приборную панель. Федя усмехнулся, я покраснела и отдернула руку.

– Ничего-ничего, тигры такое любят. Их все боятся, и никто не гладит.

Это он про машину или про себя? Федя взял меня за руку, погладил большим пальцем по ладони и поцеловал.

– Ты тогда рассмеялась, когда, ну...

– Да, не напоминай даже, неловко даже, – дернула я руку из его лапищ. –

– Просто ты пока в бессознательном была, говорила, что ты тогда любила меня, в школе. Правда? – Федина прямолинейность не знала пощады.

– Я? – и тут бы мне признаться, наконец, завершить тот случай чем-то хорошим. Но я не решаюсь. И снова мямлю. – Боже, Федя, все так давно было, я не помню.

Федя как-то очень резко отвернулся.

Машина рывкнула двигателем. Федя глянул на меня, дернув бровью. Я поняла, что, видимо, должна была как-то оценить звук двигателя.

– Над мотором тоже поколдовали. Слышишь?

Он поддал газу.

Я натянула улыбку и кивнула.

– Это я еще шумоизоляцию в салоне сделал, зверь, а не мотор!

«Мальчишка он и есть мальчишка», – подумала я.

Его слова снова выбросили в далекое прошлое. Я вдруг увидела в Феде именно того мальчика из прошлого, который когда-то признался мне в любви и бросил в меня зачем-то тетрадку со стихами.

Стихи, кстати, были ужасные. Ужасные как поэзия, но прекрасные как поступок.

Я опустила козырек, в надежде, что там как в любой машине будет зеркальце. Но его там не оказалось. Мне хотелось глянуть на себя, вдруг в отражении я увижу не себя нынешнюю, а ту девочку из прошлого, для которой Федя принес тетрадку со стихами.

Не тут-то было. Но кое-что я отметила. «В этой машине не бывало других женщин, иначе, давно бы уже в козырьке появилось зеркало». Почему-то эта мысль меня умиротворила.

Федя припарковался, я открыла дверь и только сейчас заметила, что встал он как раз рядом с машиной мужа. Красный седан Вадима по сравнению с Тигром Феде показался мне игрушечным. Не машиной, а какой-то пародией.

Никогда не обращала внимания, но сейчас подумала: «Красный, какой же нелепый цвет для мужской машины. Если это не Феррари, конечно».

Получается, Вадим сейчас там – в нашей с ним квартире. Мне до ужаса хотелось прыгнуть обратно в броневику Феде и попросить увезти меня отсюда. И я уверена, он бы ни слова не сказал и увез.

Но вместо этого я шла к подъезду, будто на эшафот.

В подъезде пахло сыростью. Плохой признак. Значит, затопила я тут все порядочно. Я обреченно вздохнула и шагнула в кабину лифта. Федя вошел следом.

Нужно было бы попросить его остаться внизу, но я была уверена, что это не сработает.

И как только открылись двери, мы еще не вышли из лифта, а я уже слышала голос мужа со слегка истеричными нотками в голосе:

– А я здесь причем? – возмущался Вадим, – я что ли вас затопил? Ну, и что я здесь тоже живу. Меня не было дома! Жена, да, ну и что? Мы вообще разводимся!

Дверь в квартиру была распахнута. Ее штурмовали соседи снизу. Вадим держал оборону.

– А вот и она, – бросил он, заметив меня, – во-о-он туда все вопросы, – с какой-то злой радной усмешкой протянул Вадим.

Соседи дружно обернулись. Но смотрели они не на меня. Они глядели мне за спину, где стоял Федя. Огромный и пугающий Федя. И потому, наверное, никто пока не сказал ни слова.

И только Вадим хорохорился:

– Ну, надо же, Зверева, как быстренько ты мужиком обзавелась. Стремительная ты моя.

Я только было открыла рот, чтобы ему ответить, но Федя обеими руками взял меня за плечи, отодвинул в сторону и шагнул вперед.

Вадим предусмотрительно скрылся в квартире. Соседи расступились, словно на них двигался не человек, а асфальтоукладчик.

– Сейчас все решим, – спокойно бросил Федя, проходя мимо них и вошел в квартиру.

Я поспешила за ним, нелепо улыбаясь соседям и на ходу пожимая плечами.

– Слыш, мил человек, пойди-ка сюда на секунду, – обратился он к Вадиму.

Глава 9. Последствия

Отдать должное, но Вадим не дрогнул. Или по крайней мере виду не подал.

– А вы кто, собственно?

– Друг детства, в общем, расклад такой, – вроде бы Федя говорил Вадиму, но смотрел почему-то на меня. Соседи из подъезда вошли в квартиру, будто Федя их на поводке притащил за собой, и теперь толпились в коридоре и галдели.

У меня голова шла кругом. Я оглядывалась, будто впервые оказалась здесь, а ведь мы с Вадимом прожили в этой квартире лет десять, но мне было дико неуютно. От того, что все разгромлено, испорчено, от того, что семья моя оказалась тоже испорченной и уже давно. И надо начинать новую жизнь, а я... не знаю теперь что и как. Поэтому вместе с соседями смотрю растерянно на Федю.

– Давайте-ка все выйдем в подъезд, хозяйку не будем волновать, – приказал Федя толпе и сделал шаг ей навстречу, толпа соседей тут же попятилась и выдавилась из коридора, как из тюбика паста, в подъезд.

– Алиса, собери свои вещи какие-нибудь на первое время, – бросил он через плечо и вышел в подъезд, не закрывая двери.

Я осталась стоять на месте, не понимая, чего он от меня хочет и причем здесь мои вещи. Испорченная мной квартира, недовольный Вадим, разъяренные соседи – оглушили меня, вот она реальность. Может, я в свой брак пряталась от нее – ведь пока у меня был какой-никакой муж, ипотека, которую он выплачивал, дом, где я жила – все как-то шло своим чередом. И вот, сломалось.

Вадим остался здесь в квартире и смотрел на меня с каким-то презрением, что ли. Я от его взгляда прошла на кухню, но Вадим поплелся следом, по пути выговаривая:

– Ты здесь что устроила? Посмотри, что ты натворила? Ты, видимо, ожидаешь, что я приду и решу все проблемы? После того, как ты меня из дома выгнала?

Я опешила. Он – теперь жертва, не я, которой он изменил, а он?

– Знаешь, что меня удивило, когда ты мне про мою Марину выговаривала? Что тебя это и не волнует вовсе. Ни слез, ни истерики, ни обвинений. Оказывается, ты просто на стороне сама погуливала, и очень удобно оказалось меня представить виноватым, из квартиры с оскорбленным видом гнать.

– Вадим, ты не так всё понял, у меня никого не было. Федя – мой одноклассник.

Из подъезда донесся внушительный Федин бас:

– Всем все возместят, всем дам свои контакты, и все решаем через меня. Всё, уважаемые соседи свободны и вопросы будем решать по мере их поступления.

Вадим скривился:

– Одноклассники ведь всегда впрягаются за своих спустя миллион лет после школы. Ты как выглядишь вообще? – Вадим внезапно переключился на мой внешний вид, оглядел меня чуть ли не с ужасом. – Как потаскушка какая-то. Жопу обтянула, сиськи обтянула. Ты мне про одноклассника будешь втирать? Я что слепой, что ли?

– Это же просто джинсы и футболка, – шепчу я, а из глаз дурацкие слезы катятся. – Ты же все про меня знаешь, зачем ты так говоришь, я ведь никогда...

– Ой, только не надо вот этих штук, – перебил он меня, – одного лоха развела на сиськи, теперь меня решила на слезы. Не прокатит. В общем так, квартиру ты убила, естественно, я не собираюсь в это вкладываться, и выплачивать за нее ипотеку я тоже не собираюсь. Как и жить здесь с тобой. Хватит, наелся. Сама здесь живи, сама и выплачивай, но мою часть вернешь. Или будем судиться.

– Но ведь моя зарплата. Я же учительница, как?

– Ты меня выгнала? Ты. Ты квартиру убила? Ты. Решай вопросы. Или сиськами перед одноклассником покрути, пусть он решит за тебя. Блин, хоть в таком возрасте постыдилась бы уже.

Вдруг кухня стала тесной, в проходе появился Федя. Вадим на фоне Феде показался плюгавеньким каким-то. Сутулым. Я постаралась незаметно вытереть слезы.

– Алиса, иди, пожалуйста, собери вещи и подожди меня. Я сейчас «порешаю», как вот этот предложил.

– Что за обращение? – возмутился Вадим, но тут же как-то сник под насупленным взглядом Феде.

– Не надо, – попросила я, подходя к Федору.

– Тсс, – оборвал он меня, – иди вещи, говорю, собирай. Давай-давай, скоренько...

Он развернул меня и легонько подтолкнул в коридор, придавая ускорение.

– Все сказал? – услышала я.

– Достаточно, – ответил Вадим и тут же нелепо заверещал, – эй, вы что себе позволяете?

Я стояла в коридоре с колотящимся сердцем и слушала.

– Неправильный вопрос, – спокойно ответил Федя. – Что ты себе в отношении женщины позволяешь, вот правильный вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.